

**Игумен Виталий
(Уткин Игорь Николаевич)**

секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, секретарь
Учёного совета Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной
духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела
Иваново-Вознесенской епархии

ЭТНОФУТУРИЗМ, НЕОЯЗЫЧЕСТВО И РЕГИОНАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Объясню, почему я считаю себя вправе говорить на эти темы.

Во-первых, мой отец — тверской карел. Народ моего отца в XVII веке, неся чтимые иконы, после Столбовского мирного договора пришёл на Тверскую землю. К сожалению, сейчас он практически вымер вместе с окружающим русским населением Тверской области. У меня финно-угорские корни, поэтому сегодняшнее моё выступление вовсе не является русским националистическим выпадом.

Во-вторых, моя студенческая юность была самым тесным образом связана с оппозиционным движением. В 1986–1991 годах исторический факультет МГПИ, где я учился, находился в гуще тогдашнего большого «майदानа», приведшего к краху Советского Союза. Мне понятен курс на регионализацию страны — ведь именно к этому мы тогда стремились, участвуя во всевозможных уличных акциях, общественных дискуссиях и самиздатской периодике. Мне довелось даже поучаствовать в попытке московской Конфедерации анархо-синдикалистов

организовать в Литве переговоры между националистическим «Саюдисом» и русским «Единством».

Тем не менее никому из нас не могло даже в сюрреалистическом сне присниться посольство Белоруссии в центре Москвы, неподалеку от нашей Исторической библиотеки. Никто не думал, что регионализация превратится в полный распад.

Взглянем на сибирский флаг — практически официальный, очень распространённый сейчас не только в интернете, но и на всевозможных мероприятиях. На флаге «Сибирской народной республики» белое символизирует снег, зелёное — лес. Флаг используется со времён Колчака и вполне отвечает сибирской идентичности.

Можем ли мы себе сейчас, в условиях устоявшейся российской идентичности, представить некую отдельную Сибирь? Думаете, такое невозможно? Но вот ещё в 1990 году нельзя было себе представить Белоруссию как отдельное государство.

На протяжении двух десятилетий разрабатывается отдельный «сибирский» язык. Снова и снова доказывается, будто бы сибиряки — отдельная нация со своей идентичностью. При резкой смене политической обстановки эта идентичность может стать актуальной. И тогда о Российской Федерации будут вспоминать примерно так же, как мы сейчас вспоминаем об СССР.

То есть «сибирство» — это очень серьёзный сепаратистский вызов.

Но чтобы «сибирство» утвердилось, надо поменять идентичность жителей Сибири, внушить им, что они являются чем-то отдельным, отличным от «москалей» (если угодно — от «москочитов»). Мол, на западе, за Уралом — одна реальность, а в Сибири — нечто совсем другое.

Ещё несколько лет тому назад экспертный центр Всемирного русского народного собора принял меморандум «О единстве русского народа».

К сожалению, этот интереснейший документ практически неизвестен. В нём говорится, что в активной разработке геополитических недоброжелателей России находятся такие проекты, как сибирский сепаратизм, казачий сепаратизм, то есть отделение Дона, Кубани, Прикавказья. Это так, ведь мы часто слышим, как казаки воспроизводят старую эсесовскую выдумку, будто бы они — «потомки готов».

Антироссийскими инструментами являются также поморский сепаратизм — отделение русского Севера, калининградский (как же — Кёнигсберг!), дальневосточный, уральский сепаратизмы.

Проект «Ингерманландии» с «вольным городом» Санкт-Петербург, наверное, тоже вещь достаточно известная.

В меморандуме говорится, что хотя на первый взгляд подобные проекты и могут показаться фантастическими, не стоит забывать, что столь же невероятным раньше выглядело отделение Украины от России.

Одним из ключевых моментов создания новой идентичности является искусственное конструирование региональных языков. «Сибирский язык» в данном случае не одинок. Есть «поморский говор», «казачий язык», «гутор» и так далее.

Сибирский язык появился в начале 2000-х годов, и уже через два года ему был посвящён огромный раздел в Википедии, который занимал 67-е место в мировом рейтинге, опередив по количеству созданных статей белорусский или узбекский разделы. То есть, если мы всерьёз верим, что Википедия формируется вольным образом, то, конечно же, в отношении

«сибирского языка» такого не было. Во всех случаях регионального псевдоэтнического сепаратизма прослеживается активная внешняя поддержка.

У Тверской области, родного для меня по отцовской линии региона, имеется герб, возрождённый в ноябре 1996 года. В 1765 году его для Тверского наместничества утвердила императрица Екатерина II. Основа тверского герба — «престол уготованный», на котором лежит шапка Мономаха. Во времена Екатерины II существовала специфическая имперская мифология. Созданный в её рамках тверской герб был тогда лишь историческим воспоминанием о былом домосковском величии Твери. Были когда-то давно претензии на великое княжение, и вот теперь имперская власть, милостиво поглаживая Тверь по голове, говорит: «Что же, и вы внесли свой вклад в российскую историю».

Стоит напомнить, что первая часть большого титула Петра I звучала так: «Пресветлейший и державнейший великий государь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец: Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский и царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных». Тверской герб входил в большой государственный герб Российской империи. Регионализм тогда имел чисто историческое, а скорее — литературно-мифологическое значение.

В советские годы, когда Тверь превратилась в Калинин, об этом регионализме никто не вспоминал вообще, разве только на уроках краеведения.

Но когда тверские депутаты в ноябре 1996 года под всем памятные слова Бориса Ельцина «Берите себе суверенитета

столько, сколько хотите», утверждали старый-новый герб, его смысловая нагрузка стала совершенно другой.

То есть перед нами символ возможного в определённых политических обстоятельствах местного суверенитета от Москвы. Мы, конечно, понимаем, что Тверь не способна сейчас существовать как самостоятельный регион, что она в случае распада страны будет поделена по линии железной дороги между «Ингерманландией» и «Московской республикой».

Тем не менее сам факт того, что каждый из регионов, даже русских по своей этнической составляющей, начинал уже в 1990-е годы формирование собственной идентичности, является для нас очень значимым. В определённый момент старые исторические воспоминания, помноженные на этнофутуризм и неоязычество, могут стать основой для развала России.

Перейдём, собственно, к этнофутуризму. Это сепаратистский вызов, подобный «сибирству».

Этнофутуризм возникает в Эстонии, в 1989 году этот термин ввёл поэт, журналист и телеведущий Карл Мартин Синиярв.

Этнос — народ, футуризм — будущее этого народа. Этнофутуризм — это искусственное конструирование будущего некоего народа, зачастую в рамках постмодерна, опять же искусственно конструируемого. Новая идентичность здесь строится на основе нового языка, неких новых как бы «исторических» воспоминаний.

Первоначально это всё преподносилось под маркой художественно-культурного движения. В 1994 году в Тарту прошла первая конференция, принявшая специальный манифест, и затем этнофутуризм неожиданно перескочил в финно-угорские районы Поволжья, начал развиваться в Удмуртии, откуда распространился в Марий Эл.

В последние годы возник новый вид этого движения — так называемый «мерянский этнофутуризм», характерный уже для Центрального региона России.

Первоначальная цель этнофутуризма — создание новой идентичности именно для финно-угорских народов на территории бывшего СССР. Соответственно, такая идентичность не должна иметь связи с российской историей, с российской государственностью, поэтому самое удобное, что можно положить в её основание, — это язычество.

Первые этнофутуристы не были историками или этнографами, но они прекрасно понимали, что реальное язычество финно-угорских народов возродить невозможно. Несмотря на то, что в начале 2000-х годов марийцы были объявлены «последней языческой нацией Европы», ещё в XIX столетии этнографы отмечали, что язычество приволжских финно-угров активнейшим образом распадалось под воздействием, с одной стороны, ислама, а с другой — старообрядчества.

Фактически язычество постоянно находилось в броуновском движении. То есть финно-угорские народы, несмотря на сохранение, как они говорят, священных рощ, всё же не сохранили соответствующих традиций, аутентичного язычества.

Во всех национальных регионах языческие культы во многом создавались заново уже после распада СССР. Это происходило под влиянием чисто политических процессов национального самоопределения: мордва, черемисы (марийцы), вотяки (удмурты), пермские финно-угры никогда не имели своей государственности и племенного единства и находились под перекрёстным влиянием христианства и ислама. И у них просто не было целостной языческой идентичности как таковой, несмотря на всё, что утверждалось в последние 20 лет.

Этнофутуристы предложили сконструировать финно-угорскую языческую мифологию заново: через живопись и арт-проекты. Затем на этой конструкции они решили выстроить новую идентичность нового гражданского общества. Члены этого гражданского общества — как бы новые люди, с новым видением мира, истории, языка, культуры, своего места под солнцем.

Но для возникновения новой идентичности необходимо провести деконструкцию старой советской и глубже — российской идентичности. Соответственно постмодернизм, где все ценности уравнены и всё находится на единой горизонтальной плоскости, предоставляет для этого очень широкие возможности. Поэтому этнофутуризм развивался и развивается на постмодернистских позициях.

Однако при этом он начал получать активнейшую поддержку в научной среде, в первую очередь в среде нашей вузовской науки. Приведу примеры такого сращивания неоязычества и вузовской науки, которые могут показаться частностями, но на самом деле в них, как в капле воды, отражается всё печальное внутреннее состояние российской высшей школы.

В 2003 году в Марийском государственном университете докторскую работу по культурологии защитила Галина Евгеньевна Шкалина, перед этим свою кандидатскую работу по философии она защищала в МГУ.

Сначала госпожа Шкалина получила грант «Открытого общества» небезызвестного Джорджа Сороса, потом грант Гамбургского университета, причём в Гамбургском университете в начале 2000-х годов существовал целый коллективный проект, посвящённый марийцам в России, хотя, казалось бы, где находится Германия и где Марий Эл.

В Марийском университете («опорный вуз Марий Эл») Шкалина заведует кафедрой культуры и искусств, преподаёт историю религии, культурологию, этику и религиоведение. Она пишет, что этнофутуризм — это «мир игры частностями, игры культурными вариантами предшествующих эпох». То есть уже на уровне высшего образования предполагается, что нет никакой истины, нет никакой истории, а есть некая постмодернистская игра, этакий культурно-исторический конструктор.

Шкалина утверждает, что нужно «разрыхлить изнутри традицию» с помощью некоей критической рефлексии и восстать против «притязаний научного метода». Как же успешно защитившаяся доктор культурологии предлагает осуществлять эту «рефлексию»?

В её диссертации утверждается, будто бы у марийцев имеется некая «философия Ю». Когда я открыл автореферат Шкалиной, то увидел, что есть некая «Ю», схожая с понятиями Дао у китайцев и Прана у индусов. Я подумал: «А вдруг марийский народ на самом деле — “последний языческий народ Европы”, раз у него изначально существовала такая древняя философия?» — и решил купить текст диссертации, чтобы посмотреть, на какие источники опирается Шкалина, рассказывая о философии Ю. Купил. Оказалось — ни на какие. На трёх страницах, где постулируется наличие древней философии у марийцев, вообще нет ссылок на научные источники. Человек замечательнейшим образом защитил докторскую, получил соответственно степень, утверждённую ВАК. И вот, собственно, этот случай показывает, что в российском научном сообществе далеко не всё благополучно, а для полного обоснования отрыва тех или иных народов от русской истории и культуры не нужно на самом деле никаких исторических источников, всё может пройти и так.

Стоит отметить, что на самом деле славянские переселенцы играли ключевую роль в становлении Северо-Восточной Руси и этногенезе русского народа. Местное финно-угорское население было либо ассимилировано славянами, либо мигрировало на новые территории.

Нельзя считать строго установленным фактом, что это местное население действительно было финно-угорским. Никаких генетических исследований старых останков, которые находили во время археологических раскопок, у нас практически не проводилось. Археология же не даёт инструментов, подтверждающих ту или иную этничность. Утверждения об этничности, связанной с той или иной археологической культурой, всегда конвенциональны, то есть являются договорённостью археологов между собой.

Неясно, кто такие меря, на которых опираются современные «мерянские этнофутуристы», — то ли реально существовавший огромный союз племён неясной этнической принадлежности, то ли просто летописное и литературное явление. Обычно мерян локализовали в части современной Московской, Тверской, Костромской, Владимирской, Ярославской, Ивановской, Нижегородской областей. То есть в сердце России. Куда они делись, никто не знает. В ходе славянской колонизации они просто исчезли.

Я уже упоминал имперскую идеологию XVIII века. Она активно опиралась на тогдашние литературные представления о язычестве, как классическом, так и славянском. Такие литературные реконструкции воспринимались как обязательная отсылка к старине, необходимая для подкрепления «просвещённой» монархии. А поскольку правительство воспринимало себя в качестве цивилизатора, который меняет всё вокруг (как писал

Пушкин, «правительство всё ещё единственный европеец в России»), то эта парадигма дохристианского периода оказалась очень действенной.

Особенно потрудился здесь сын графа Сергея Уварова, автора концепции «Православие, самодержавие, народность» Алексей Сергеевич Уваров — русский археолог, член-корреспондент и член Императорской академии, один из основателей Московского археологического общества. В 1851–1854 годах он раскопал 7000 курганных могильников в Центральной России силами местных крестьян. Он повытаскивал оттуда всё, что можно, фактически разрушив огромное количество археологических памятников. Уваров на основании своих умозаключений решил, что перед ним не славянское население, а некие финно-угры, эти самые меря.

Он подготовил книгу «Меряне и их быт по курганным раскопкам», которую издали в 1872 году в синодальной типографии Святейшего правительствующего синода. На протяжении 30 лет книга Уварова была практически единственным исследованием по древней истории Центральной России. А ведь это было время национального возрождения, которое происходило через интерес к истории, археологии, этнографии. Создавалось большое количество соответствующих обществ. И на протяжении всего этого времени — четверти века — единственным, на что могла опереться наша общественность, было представление о том, что Центральная Россия была населена не славянами, а некими мерянами.

Александр Андреевич Спицын, известный археолог, который в начале XX века заново пересмотрел коллекцию Уварова, пришёл в ужас от того, в каком хаотическом антинаучном состоянии она находилась. Он сделал вывод, что найденные

предметы принадлежали славянам, а не неким финно-уграм. Однако изменить что-то уже было сложно. Уваровский миф превратился в научную парадигму — набор убеждений, ценностей и техник, разделяемых научным сообществом.

Мерянская парадигма была частью парадигмы неоязыческой, литературного мифа, формировавшегося на протяжении длительного исторического периода.

Уже древнерусские летописцы отстояли от времён Крещения Руси на несколько столетий. Это были монахи, воспитанные на византийских литературных образцах. Сидя в келье (помните: «Ещё одно, последнее сказанье, и летопись окончена моя?»), они пытались применить свои книжные знания к своим же представлениям о далёком прошлом. Нельзя серьёз утверждать, что их сведения о славянском язычестве достоверны.

Но собственно неоязыческая парадигма была сформулирована польскими авторами в период Ливонской войны XVI века. Тогда Европа впервые столкнулась с новой Россией. Войска Ивана Грозного первоначально успешно продвигались в Прибалтике, беря города и рыцарские замки. Тут-то в противодействие им и начала активно формироваться русофобия. Нужно было обязательно показать, что русские — не христиане, а варвары-язычники или потомки язычников, так и не ставшие христианами. Эти идеи нужны были для объединения европейских сил в борьбе с Россией.

В 1579 году польский комендант Витебска, итальянец по происхождению Александр Гваньини издал книгу «Описание европейской Сарматии», основываясь на тексте Матая Стрыйковского — участника Ливонской войны. В ней появляется очень интересный для нас маркер — миф о некоем капище Перуна.

Мол, в Новгороде, в местечке Перынь стоял идол Перуна, перед ним горел неугасимый огонь, который поддерживал жрец. И если жрец был нерадив и огонь угасал, то жреца арестовывали, а затем казнили на новом огне перед этим идолом. Новый жрец приносил эту жертву.

В Густынской летописи, которая существует в списках XVII века и основана на текстах польских авторов, эта легенда соотносится уже с Киевом. Вот был Перкунас, то есть Перун, перед ним горел неугасимый огонь, и далее по тексту.

Я опускаю огромную тему трагического польского культурного влияния на русское общество через Киев. Это совершенно недооценённый негативный поворот в русском самосознании.

В 1654 году литературную легенду об идоле и огне повторяет Адам Олеарий, в 1674 году архимандрит Киево-Печерской Лавры Иннокентий Гизель издаёт по польским учебникам первый учебник русской истории, который назывался «Синописис» и выдержал около 30 изданий. И здесь воспроизводилась та же самая легенда об идоле Перуна в Киеве, как и в Густынской летописи.

Проходит ещё сто лет. С 1776 по 1783 год на кафедре в Ростове Великом находится архиепископ Самуил (Миславский), будущий митрополит Киевский. Это пример тогдашнего малороссийского архиерея, который оказался на русской кафедре. Выпускник Киево-Могилянской академии, он свободно изъяснялся на латинском, французском, польском языках, был воспитан на польской традиции, воспринятой через Киево-Могилянскую академию.

Когда он оказался на Ростовской кафедре, ему понадобилось составить описание храмов Ярославля. Ведь новый

архиерей приехал из самого Киева, а значит, должен культурно просветить диких ярославцев, не знающих ни собственной истории, ни даже латыни.

Составляя историческое описание, Самуил доходит до храма святого мученика Власия. По звучанию «Власий» похоже на «Велес», и он решает, что раньше тут стоял идол Велеса. Так появляется текст, при публикации в 70-е годы XIX века названный «Сказание о построении града Ярославля». Из него следует, что, конечно же, перед идолом Велеса горел неугасимый огонь, а если огонь угасал, то старого жреца приносили в жертву на новом огне.

В 70-е годы XX века два наших уважаемых автора, известные исследователи Вячеслав Всеволодович Иванов и Владимир Николаевич Топоров, заявили, что текст «Сказания» якобы равен по значению «Слову о полку Игореве» и восходит к XII веку. Соответственно, сведения о Велесе, которые в нём содержатся, очень и очень значительны и являются, конечно же, достоверными. На самом же деле речь шла именно о польской русофобской литературной традиции, когда выдуманная история кочева на протяжении почти 300 лет из одного текста в другой.

Скажу буквально пару слов о том, что случилось дальше.

В 1648 году страшная Тридцатилетняя война закончилась Вестфальским мирным договором. Он создал современную систему светскости. Католики и протестанты в войне, разорившей Европу и, особенно, германские земли, при создании новой системы взаимоотношений не могли больше опираться на свою конфессиональность, иначе война никогда бы не кончилась. Поэтому они решили подняться над конфессиональностью, действовать так, как будто бы Бога нет, Он выведен за скобки общественных отношений.

В начале XIX века при поиске идейных основ чаемого объединения Германии так же невозможно было опереться на конфессиональность. Священная Римская империя германской нации окончательно рухнула в период наполеоновских войн, и немцам надо было самоопределиться.

Было очевидно, что северные немецкие земли — протестантские, южные земли — католические, поэтому нужно было углубиться в историю и поискать некую другую идентичность. Братья Гримм, их предшественники и их последователи очень многое для этого сделали.

Знаменитый труд братьев Гримм «Немецкие легенды» через сказки как методологию выводит нас как бы вглубь истории, мимо протестантизма и католицизма. Здесь ищут то, что впоследствии станет частью идеологии не только Второго, на даже Третьего рейха, — нехристианскую языческую идентичность.

Наша интеллигенция старалась во всём немцам подражать. И вот Александр Николаевич Афанасьев, диссидент, сотрудник архива министерства иностранных дел, занимавший во многом антигосударственную позицию, идёт по стопам братьев Гримм. Из разных губернских ведомостей и прочих подобных изданий он собирает записи сказок, неизвестно кем и как сделанные, и на основе систематизации этих текстов создаёт целое научное направление — русскую мифологическую школу, которая пыталась через сказки реконструировать систему некоего славянского язычества.

Однако эта школа была вовсе не господствующей в тот период. У неё были авторитетные оппоненты, в их числе — академик Императорской академии наук Александр Николаевич Веселовский, успешно занимавшийся сравнительной мифологией. Он показал, что нельзя говорить ни о какой непрерывной

языческой традиции, которую старался выявить Афанасьев. С точки зрения Веселовского, мифология, кажущаяся языческой, возникает непосредственно внутри христианской общины. То есть ни о каком «двоеверии» речь не идёт. Тайная языческая традиция не передавалась из поколения в поколение, не было тайных капищ, тайных жрецов и т. д.

Веселовский говорит примерно следующее: «Вы знаете, я долго жил в Италии в период её объединения, и на моих глазах возник миф о Гарибальди. Это католический христианский миф. В народе верили, будто бы Гарибальди привита гостия — католическое причастие, поэтому он неуязвим и пули его не берут. А раз пули его не берут, то он великий народный герой, за которым можно идти».

Казалось бы, бред, возникший на пустом месте, но совершенно неожиданно этот миф способствовал тому, что крестьяне пошли-таки за Гарибальди, и это был не главный, конечно, но один из факторов, который способствовал объединению Италии.

По Веселовскому, миф возникает внутри христианской общины, здесь и сейчас. До Юнга Веселовский не дожил, но употреблял словосочетание «коллективная форма психики».

То есть русская мифологическая школа XIX века — это не мейнстрим, однако позднее труды этой школы использовали уже в политических целях.

После Второй мировой войны развивается жанр фэнтези. В Нью-Йорке эмигрант Юрий Петрович Миролюбов издавал журнал «Жар-птица», где публиковал много фэнтезийных текстов. Среди них была так называемая «Велесова книга», которая сейчас является фактически библией для неоязычников. Исначально это был фэнтезийный текст.

Хрущёвское гонение на Церковь активизировало поиск национальной идентичности вне христианства. С опорой на тексты XVI–XVII веков и наследие русской мифологической школы развивается тренд, уже в брежневский период нашедший своё наивысшее воплощение в работах Героя Социалистического Труда, академика АН СССР Бориса Александровича Рыбакова. Он допускал дичайшие фальсификации. Логика его строилась примерно так: «Вот иконка медная, медное литьё, XVII век, Христос изображён, видите, книжка в руках у Христа, что на книжке написано? “Аз есмь свет миру”. О, уважаемые, а мы только что с вами беседовали о том, что свет есть атрибут Дажьбога. Значит, под видом Христа поклонялись Дажьбогу». Это уровень аргументации Рыбакова. Его оппонент Лев Самуилович Клейн (очень рекомендую его книги тем, кто хочет разобраться в этой теме) подробнейшим образом раскрывает многие из этих фальсификаций. Но рыбаковское влияние было колоссальным. Рыбаков фактически создал канон, в рамках которого ныне воспринимается неоязычество. И всё это пришлось очень кстати местным элитам, которые в 1990-е годы в национальных регионах стали конструировать «народную веру».

Мерянский этнофутуризм, о котором мы с вами говорили выше, возникает в 1989 году. Один из его создателей — художник Андрей Малышев. Другой активный идеолог — художник Валентин Константинов, который именуется Бальшта Кыстынчан. Заявляют они, ни много ни мало, что никаких русских в Центральных регионах не существует, что на самом деле они все потомки мерянских племён, а значит, надо соскрести с себя русскую идентичность и обрести в себе мерянина. Если вы введёте в Яндексe в строке поиска фразу «Стань меря», то попадёте на главный ресурс мерянского этнофутуризма, который называется «Мерямаа».

В октябре 2014 года на третьем фестивале языков в Новгородском университете прошла 50-минутная презентация, посвящённая так называемому «мерянскому языку», как будто речь шла о языке действительно существующего народа.

Был создан такой же конструкт, как и «сибирский язык», но территориальные претензии его творцов простираются от Москвы до Нижнего Новгорода. Вся территория Центральной России объявляется чем-то отдельным от России.

В Иваново в Новой галерее в мае 2014 года во время акции «Ночь в музее» совершенно официально открылся мерянский арт-проект «Волга Сакрум» (значит «Святая Волга»). Его автор — тот самый этнофутурист Андрей Малышев, мерянин. То есть вполне возможно, что при определённых политических обстоятельствах в Центральной России от Москвы до Нижнего Новгорода всех могут заставить говорить на некоей мерянской мове — потому, что мы, мол, не славяне, не русские, а являемся последователями вот этих мерянских племён. Заставят её учить в школах как национальный язык. Вам кажется, что это фантастика, но посмотрите на Украину. Созданный в Канаде вариант украинского языка, как известно, ныне вполне себе официальный.

Этнофутуризм напрямую сопряжён с неоязычеством. И когда мы с вами считаем, что неоязычество — это такое непрофессиональное, поверхностное увлечение каких-то наших спортсменов, может быть, части неких силовиков, которые начинают снимать с себя кресты, то мы очень сильно заблуждаемся.

Неоязычество сейчас является частью образовательной парадигмы и напрямую соприкасается как с музейным сообществом, так и с нашим образовательным пространством. Я не буду пока приводить примеры из числа провинциальных вузов, а приведу в качестве примера один из основных педагогических

вузов России после МПГУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге.

В 2011 году Алина Олеговна Зобнина успешно там защитила кандидатскую диссертацию «Язычество славян в культурологическом образовании школьников» и стала кандидатом педагогических наук.

В этой диссертации она призвала переосмыслить отечественное культурное наследие как основу для системы образования. То есть поменять идентичность. Языческая культура славян рассматривается ею как база основания культуры и её архетипа. Соответственно, языческая культура славян оказывается, с точки зрения диссертанта, одним из базовых компонентов историко-культурологического образования школьников. Так как диссертация — по педагогике, она должна была пройти апробацию в школе.

А. О. Зобнина разработала курс «Языческая культура славян», призванный «дать общие знания в истории отечественной культуры для того, чтобы сформировать этнокультурную идентичность школьников». Прямым текстом пишет: поменять эту идентичность.

Она утверждает, что в рамках обыденного, то есть проникнутого ортодоксальной православной доктриной сознания языческая славянская культура воспринимается как отсталая, варварская, тёмная, и это надо изменить, так сказать, углубив историческую память школьников.

В школе № 506 г. Санкт-Петербурга этот курс успешно проходит апробацию, успешно защищается диссертация, спойкойно утверждается ВАКом в том же 2011 году.

То есть мы с вами имеем готовую модель школьного курса, которая меняет идентичность школьников на неоязычество.

Искусственное неоязычество активно проникает в музейное сообщество. Например, музей Переславля-Залесского в Ярославской области эксплуатирует так называемый Синий камень.

Когда я произношу «Синий камень», обязательно в аудитории находится человек, который говорит, что его надо называть по-русски «Синь камень», мол, это древняя языческая святыня.

В чём там дело? Лежит большой булыжник, крепкий валун серо-синего цвета, весит 12 тонн, длина — около трёх метров, ширина — два с половиной метра, наземная часть выступает на 70 сантиметров. Некогда был ледник, который откуда-то из Скандинавии притащил к нам этот валун. В 1850 году этот валун поднялся из глубин Плещеева озера, вылез по каким-то своим геологическим валунским причинам на поверхность. В местной газете началась дискуссия, по каким же причинам он вылез на поверхность. Люди были рационалисты, говорили, что это геология в чистом виде, ничего мистического здесь нет, но тут стали вспоминать и вспомнили, что в 1788 году некий огромный валун везли на санях по льду Плещеева озера на другой берег, чтобы заложить там его в основание церкви. А он провалился под лёд и утонул.

А потом вспомнили, как в житии преподобного Иринарха Ростовского говорится о том, что он советует диакону закопать ещё один валун, вокруг которого устраивались местные игрища. Согласно рассказам музейщиков, диакон закопал камень и то ли исцелился от болезни, то ли, наоборот, заболел, и языческие боги наказали его за то, что он поднял руку на этот валун.

Соединив все эти истории вместе, по какой-то причине решили, что Синий камень — и есть тот исторический артефакт, описанный в них.

Сейчас к валуну бесплатно подойти нельзя. В прошлом году, когда мы ездили в Переславль-Залесский с группой и пошли посмотреть на него, нам пришлось заплатить по 50 рублей.

Там идёт активнейшая торговля сувенирами, сам валун является предметом почитания неоязычников, мол, от него энергетика позитивная исходит, он лечит биополе, и чего только этот валун не делает замечательного и каким только символом не является.

Как же поступили местные православные? Они посмеялись над глупыми байками музейщиков? Издали соответствующие листовки, где рассказали, что большой булыжник, вылезший из озера в XIX веке, никак не связан с разными историями о камнях? Нет, вместо этого Никитский монастырь заклеил дорожный указатель на Синий камень, а местный благочинный призвал провести общегородской референдум по вопросу о том, нужна ли городу «языческая святыня». То есть местные православные не только согласились со всей музейной мифологией, но ещё и дали возможность для очередного неоязыческого пиара на этом конфликте.

Получается, что мы сами принимаем правила игры, которая нам навязывается неоязычниками, этнофутуристами, а точнее людьми, которые стремятся к смене нашей национальной идентичности, да ещё и неплохо зарабатывают на этом.

Таким образом, этнофутуризм и неоязычество — это не просто что-то внешнее. Конечно, речь идёт и об активном использовании внешних инструментов (вспомните Шкалина, фонд Сороса, Гамбургский университет). Понятно, что и за мерянским современным этнофутуризмом, если бы мы с вами захотели разобраться, можно было бы увидеть и гранты, и международное сотрудничество, по крайней мере через прибалтийские стра-

ны. Но это очень важно ещё и для местных элит. И, развиваясь, в определённой политической ситуации этнофутуризм может, не дай Бог, стать орудием распада бывшей России по новым идентичностям. Помните словосочетание «бывший СССР»?

Например, создатель частного неоязыческого музея древнерусской семьи в Плесе Павел Николаевич Травкин с 2010 года является одним из неформальных лидеров «мерян-ского» движения. Он отрицает исторический факт славянской колонизации областей Центральной России. Прочитую Павла Николаевича по памяти: «Теория славянской колонизации — это как минимум застарелая теория. Она удобна и сегодня, как была удобна всякий раз, когда речь заходила о русских интересах на Балканах или когда после Второй мировой войны было объявлено славянское братство социалистического лагеря, и всех этих братьев надо было удерживать какой-то идеологической псевдоисторической уздой». По-моему, сказано совершенно откровенно. Кандидатская диссертация, успешно защищённая Травкиным в Ивановском государственном университете, содержит, например, следующие аргументы. В 1991 году в Волге, якобы, была обнаружена трёхметровая змея с поросёк-чье мордой. Несомненно, мол, она является реликтовым животным, уцелевшим как минимум с XVI века. В её образе местные жители Плёса поклонялись богу Велесу.

К счастью, у нас в Успенском мужском монастыре города Иваново есть схииеромонах Пахомий (Изюмов), который в 1991 году работал в Приволжском районе специалистом по экологии. Когда в местной газете появилась информация о трёхметровой змее с поросёк-чье мордой, местное начальство вызвало его и спросило: «А что у тебя там в Плесе происходит? Немедленно поезжай, потому что страшная змеюка пугает на-

ших туристов». Он отправился к человеку, который рассказывал журналистам о трёхметровой змее, и спрашивает: «Расскажите мне, пожалуйста, самое главное: вы пили, когда отправлялись на рыбалку?» Тот говорит: «Ну, конечно же, выпил. Как же можно без выпивки отправиться на рыбалку? Холодно же на Волге, я же должен был согреться». Вот такая диссертация кандидата исторических наук.

Всё это было бы смешно, если бы не находилось в глобальном тренде возможной смены идентичности уже не для Прибалтики, не для Удмуртии, уже не для Сибирской республики, а для коренных земель Центральной России.

Мне почему-то не хочется жить в Ростовской или Владимирской незалежной «республике», считать себя потомком гордых «мерян» и торжественно праздновать «день независимости» от России с парадом из двух полицейских БТР. Боюсь, что такая «республика» будет обречена на вымирание. Даже если этнофутуристические предки её жителей, согласно вновь выдуманным «легендам», выкопали Волгу.

УДК 316. 75(470+671)
ББК 60. 0(2Рос)
Т37

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 5** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – Москва : Русская экспертная школа, 2020. – 104 с.

ISBN 978-5-6041154-3-5

Очередной выпуск Тетрадей Русской экспертной школы представляет читателям тезисы докладов, прозвучавших на семинаре Школы в г. Серпухове 25–26 ноября 2019 года. В этом выпуске затрагиваются следующие темы: современное российское законодательство о культуре, технологии уличных протестов против строительства храмов, негативные последствия закона о профилактике семейно-бытового насилия, неоязычество и регионализм как политические инструменты, происхождение и действие секулярных вызовов перед лицом Церкви.

веб-сайт: russian-expert.ru
электронная почта: mail@russian-expert.ru

ISBN 978-5-6041154-3-5

© Русская экспертная школа, 2020
© Щипков В. А., 2020

Содержание

В. В. Аристархов

Законодательство о культуре. Предмет спора и группы интересов 5

О. А. Матвейчев

Храм и митинг. Технологии уличных протестов на примере
Екатеринбурга 34

Э. Ю. Жгутова

Правоприменительная практика и негативные последствия закона
о профилактике семейно-бытового насилия 50

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)

Этнофутуризм, неоязычество и регионализм как политические
инструменты 65

В. А. Щипков

Секулярный вызов церкви: происхождение, характер,
перспективы 87

Эксперты номера

Аристархов Владимир Владимирович

директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, в 2013–2018 гг. – первый заместитель министра культуры Российской Федерации

Жгутова Элина Юрьевна

член Общественной палаты РФ, руководитель «Общественного центра по защите традиционных семейных ценностей “Иван Чай”»

Игумен Виталий (Уткин)

секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, секретарь Учёного совета Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела Иваново-Вознесенской епархии

Матвейчев Олег Анатольевич

профессор НИУ ВШЭ, политический технолог и консультант, канд. филос. наук

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы, доцент МГИМО МИД России, канд. филос. наук